

1972); при всей их близости они сохраняют, по мнению автора, и известное различие, обладая и определенной специфичностью. В 90е годы автор, развивая эти идеи, постулирует новое, более объемное понимание термина «аксиология». В новом, «неоаксиологическом» смысле термин включает в себя не только теоретико-ценностный, но и практико-ориентированный оценочный подход (Салеев В.А., М., 1991). Ныне, после утверждения концепции неоаксиологии на ряде международных философско-эстетических форумов (Минск – 2006, 2009, 2010; Москва – 2006, 2010; Vilnius – 2011, Санкт-Петербург -2013, Krakow - 2013) представляется возможным кратко сформулировать сущность неоаксиологического подхода, равно как и его отличие от методологии, основанной на «классически» понимаемой аксиологии. В последней, как уже отмечалось, аксиологическая ситуация строится на ценностном отношении; оценка является ответом на ценность.

В неоаксиологическом измерении на авансцену выдвигаются ценностно-оценочные связи, которые заполняют собой аксиологическое поле. Полюса последнего состоят из двух основополагающих структур: ценности, вернее, объектной структуры, которая выступает в качестве носителя ценности, и оценки, вернее, человека (субъекта)-носителя оценки.

В реалиях функционирования аксиологического поля значительную роль играет и «аксиологическое притяжение», которое в каждом конкретном случае определяет домinantную роль либо объектно-ценностного либо субъектно-оценивающего начал.

Поскольку культура является собой «мир воплощенных ценностей» (Чавчавадзе Н.З., Тбилиси, 1984), а ценностно-оценочные отношения необходимо присутствуют в культуре, обуславливая высшие смыслы, которые несет с собой, неоаксиология может оказаться новым и действенным средством исследования различных форм и пластов культуры, адекватным образом выявляя их специфику, глубину и роль культуротворческой деятельности человека.

ЦЕННОСТИ В ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ БЕНЕДЕТТО КРОЧЕ

М.В. Салеева, г. Минск, Беларусь

Бенедетто Кроче, итальянский философ, эстетик и культурный деятель, жил и творил в Италии в первой половине XX века. Не только для Италии, но и для всего мира, это эпоха смены парадигм и мировоззрений, борьбы устаревших исторических концепций и новых, часто имеющих тоталитарную направленность. В классификации Кроче эти новые течения получили название «антиисторицизм», в них новая политическая и социальная активность строится на абсолютизации практической

деятельности, приводящей к злоупотреблениям и разрушению духовной целостности индивида.

Отрицать историцизм для Кроче означало не признавать структуры реальности, которая была для него «прогрессом» по определению. Прогресс виделся философу как обогащение ценностей [1, р. 330].

Дискуссия разворачивалась среди интеллектуалов и Кроче был самым активным ее участником на европейском пространстве во времена войн. Именно тогда он разработал и апробировал критерии различий исторических и универсальных ценностей, рассуждал о гражданском долге и его моральной составляющей. По мнению философа, патриотический долг не может вступать в противоречие с универсальными моральными ценностями, потому что понятие «патриотизма» исходит из душевных привязанностей граждан и подкрепляется уважением чувства собственного достоинства других.

Свою приверженность гуманистическим идеалам Кроче подтвердил в выступлении на Международном философском Конгрессе в Оксфорде в 1930: «Для нас, философов и историков, историцизм, что означает цивилизация и культура, это ценность, которую нам доверили, и которую мы обязаны защищать, хранить и распространять. Историцизм – узел, связывающий прошлое с настоящим, гарантия истинности нового...» [2, р. 243].

Характеризуя современную ему молодежь, увлеченную идеей «осудить и преодолеть», прежде, чем изучить, Кроче говорил об опасной ситуации «полного отрыва от культурной традиции, попустительства дисциплины в исследованиях и ужасной иррациональности, которая, кажется, извергается из адских пучин и неостановимо распространяется повсеместно» [3, р. 138.].

Последующее развитие идей Кроче связано с обоснованием существования новой категории крочеанской философии – «витальности» (жизненности). К этому времени крочеанская доктрина философии Духа (которую он предпочитал именовать «абсолютным спиритуализмом») с интенцией на рассмотрение Истории как венчающего духовного начала всей системы, не только полностью сложилась, но и стала испытывать определенные кризисные состояния. В «Истории как мышлении и действии», упоминается иррационализм в истории, утверждается необходимость паритета между «познанием и действием», ставится проблема более точного определения практиса. Так появляется понятие витальности. Оно возникает из трансформации понятийной системы «полезного», на которой строилась экономическая форма Практического Духа (из классической схемы крочеанской системы категорий).

Однако трактовка Б.Кроче витальности связана с ее преимущественным пониманием как известного концентрата анти-

ценности. Круг эстетических, интеллектуальных, экономических и нравственных ценностей, который, по Б.Кроче, обуславливает человеческое существование, наталкивается в своем развитии на определенный круг «противоценностей» (Unwerte) [4, с. 198.].

Витальность представляет из себя реальность «низшего» порядка, она, по мысли Б.Кроче, противостоит цивилизации и нравственности, но является той необходимой «жизненной материей», без которой не может развернуться жизнь Духа, само наполнение жизни «...Суть истории витального как реальности, названной низшей или природной, ...и истории человеческого рода: проявление витальности, которая возникает и распространяется, порывистая, подчиняя другие жизни и занимая их место, или которая интригует хитростью и обеспечивает себя средствами наслаждения благодаря промышленности или обмену и т.п. Витальность не есть цивилизация и нравственность, но без нее цивилизации и нравственности не хватило бы необходимой предпосылки жизненной материи, которой нужно придать форму и руководить морально и цивилизованно; так что этико-политической истории недоставало бы своего собственного объекта. И витальность со своими потребностями имеет свои основания, которых моральное основание не знает» [5, с. 151].

Понятие свободы видится философу ключевым в диалектике добра и зла, одновременно формой и субъектом истории. «Свобода, – пишет он в труде «История как мышление и как действие», – это объяснение хода исторических событий с одной стороны, и моральный идеал человечества с другой» [5, 54].

Эта практическая способность свободы, и одновременно сложность «философии духа» проходят проверку в тот момент, когда полярность витальных и моральных сил достигает максимума напряжения. Экономико-полезное или витальное, как начинает называть его Кроче, проявляется во всей своей силе и начинает угрожать единству духа. Даже если витальность, укрощенная и управляемая, дает силу неким формам, без нее не существовавшим, таким как импульс к мгновенному удовольствию, наивному эгоизму, она все же остается злом.

Поскольку, в основе экономической составляющей системы Духа, лежала такая человеческая способность как желание, то к сфере витальности можно, следя мысли Б.Кроче, отнести концентрат конкретных, прагматичных желаний, низших, относительно этической сферы.

На наш взгляд, Бенедетто Кроче своей концепцией витальности (жизненности) гениально предугадал появление общества «массового потребления», общество «рыночной ориентации» (по определению Э.Фромма). Можно перечислить многие тома философской литературы, авторы которых анализируют положение человека как производителя и

потребителя, и существование человека в системе спроса и предложения. Важна закономерность – полезность = качество, в которое безусловно верил Б.Кроче (как одно из составляющих позитивного развития), в обществе потребления теряет свою позитивность. Полезная ценность может в реалиях рынка превратиться в свою противоположность; еще более усложняется, в этом плане, позиция человека, выступающего, по большей части, объектом (вопреки известному положению И.Канта, что человек никогда не должен выступать как средство, а только в качестве цели) рыночных отношений.

В движении жизни послевоенной Европы Б.Кроче уловил, первоначально на интуитивном уровне, внедрение вируса потребительства, который оказался в состоянии существенно изменить отношение между экономической и нравственной сферой человеческого существования.

Конечно, в последние годы своей жизни Кроче был охвачен идеей привести свою систему в гармонию; именно этим и вызвано новое обращение к Гегелю и пытаются выстроить новую диалектику: «зло побеждается высшими категориями, которые, однако, не лишают его силы, но переводят из в силы добра» [6, р. 44.].

В конце жизни, в 1951 году он сокрушается, что ему не удалось изложить свои мысли в «обширном, последовательно изложенном труде».

Попытка последнего диалога с Гегелем была трагична по своему содержанию; категория витальности так и осталось до конца необъясненной, предназначеннной только для «проницательного» читателя, который был бы в состоянии продолжить направление, указанное мыслителем.

Однако вывод пожилого философа о том, что в период кризисов и перемен витальные силы начинают доминировать, подчиняя себе нравственность (вывод, так подтвержденный всей практикой человеческого бытия во второй половине XX века), делает честь мыслителю.

Литература:

1. Cingari, S. Benedetto Croce e la crisi della civiltà europea / S. Cingari. – Т. 1.
2. Croce, B. Antistoricismo, in Ultimi saggi, a cura di M. Pontesilli / B. Croce. – Napoli, 2011.
3. Croce, B. Nuove pagine sparse / B. Croce. – Serie I, Bari, 1949.
4. Соловьев, Л.Н. Красота. Добро. Истина / Л.Соловьев. – М.: Республика, 1994.
5. Croce, B. La storia come pensiero e come azione, a cura di M. Conforti / B. Croce. 2002.
6. Croce, B. Hegel e l'origine della dialettica, in Indagini su Hegel e schiarimenti filosofici, a cura di A. Savorelli / B.Croce. – Napoli 1998.